

ДЭВИД ЮМ

О МОРАЛЬНЫХ ПРЕДРАССУДКАХ*

***Аннотация:** В этом очерке Юм выступает в защиту добродетели, атакуемой разными старыми и новыми философиями под знаменем борьбы с «моральными предрассудками». Во второй части очерка на контрасте двух примеров – вымышленного философа Эугениуса и просвещенной молодой леди – он показывает, что избыточно искусственная рационализация жизни входит в противоречие с естественными человеческими страстями и что философия, считающаяся с этими страстями, больше подходит для подлинно добродетельной жизни. Публикуется новый перевод очерка.*

***Abstract:** In this essay Hume advocates for virtues attacked by various ancient and contemporary philosophies under the banner of struggle against “moral prejudices”. In the second part of the essay, he contrasts two examples – of fictional philosopher Eugenius and of one enlightened young lady – and thus demonstrates that excessively artificial rationalization of life proves to be inconsistent with natural human passions and that the philosophy giving due consideration to these passions is better fits for truly virtuous life. New translation of the essay is offered.*

***Ключевые слова:** предрассудки, мораль, добродетель.*

***Keywords:** prejudices, morality, virtue.*

В последнее время среди нас появилось немало людей, старающихся выделиться за счет осмеяния всего того, что до сих пор выглядело в глазах человечества священным и достойным почтения. Трезвость, благоразумие, честь, дружба, брак стали постоянными предметами их плоских шуток; даже общественный дух и уважительное отношение к своей стране трактуются как химерическая и романтическая ерунда. Если бы мыслительные схемы этих антиреформаторов воплотились в жизнь, то все узы общества неизбежно были бы разрушены, уступив место потворству ничем не обузданной радости и веселью; компания наших собутыльников предпочиталась бы другу или брату; утвердилось бы распущенное мотовство в ущерб всему ценному, будь то в общественном или в частном отношении; и люди проявляли бы так мало уважения ко всему, кроме самих себя, что в итоге свободное учреждение правительства стало бы для человечества схемой,

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of Moral Prejudices // Hume D. Essays Moral, Political and Literary. L.: Grant Richards, 1904. P. 573-578. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

совершенно невозможной на практике, и непременно выродилось бы в единую универсальную систему обмана и коррупции.

Есть и другой юмор; его можно наблюдать у некоторых претендентов на мудрость, и хотя он не настолько пагубен, как праздный вздорный юмор вышеупомянутого сорта, он все же таки должен оказывать на тех, кто ему предается, очень дурное воздействие. Я имею в виду ту могильно серьезную философскую страсть к совершенству, которая под предлогом исправления предрассудков и заблуждений ударяет по всем самым дорогим сердечным чувствам и всем самым полезным предубеждениям и инстинктам, которые могут править человеческим существом. Среди древних подобной глупостью были примечательны стоики; и я желал бы, чтобы некоторые из наиболее почтенных характеров в позднейшие времена не копировали их слишком уж преданно в этой особенности. Добродетельные и нежные чувства, или, если угодно, предрассудки, сильно пострадали от этих рефлексий, а на их месте возобладали некоторое угрюмое самолюбие или презрение к человечеству, которое стали почитать величайшей мудростью, хотя на самом деле это была самая вопиющая глупость из всех прочих. Статилий, когда Брут попытался привлечь его в отряд знатных заговорщиков, который нанесет божественный удар во имя свободы Рима, отказался присоединиться, сказав, *что все люди глупцы или сумасшедшие и не стоят того, чтобы человек мудрый обременял ими свою голову.*

Здесь мой просвещенный читатель легко вспомнит резон, приведенный одним античным философом для того, чтобы не мириться со своим братом, искавшим его дружбы. Он был чересчур уж философом, чтобы думать, что связь, вытекающая из происхождения от одного и того же родителя, должна иметь хоть какое-то влияние на рассудительный ум, и выражал свое чувство в такой манере, что, на мой взгляд, не стоит и повторять. Когда ваш друг в беде, говорит Эпиктет, вы можете притворно ему посочувствовать, если это принесет ему облегчение; но старайтесь не дать состраданию войти в ваше сердце и нарушить ту безмятежность, которая есть совершенство мудрости. Диоген, когда друзья спросили его во время болезни, что делать с ним после кончины, говорит: «Выбросьте меня в поле». «Как, — ответили они, — на съедение зверям и стервятникам?» Он: «Нет! Положите палку рядом со мной, и я буду их отгонять». «Зачем? — говорят они. — Ведь ты не будешь ничего чувствовать и никак не сможешь ею воспользоваться». «Но тогда если звери сожрут меня, — воскликнул он, — то разве я больше это почувствую?» Я не знаю ни одного высказывания этого философа, которое показало бы яснее как живость, так и свирепость его темперамента (см. прим. 1).

Насколько же отличны от этих максимы, в согласии с которыми ведет себя Эугениус! (См. прим. 2.) В юности он посвятил себя, приложив к тому немало усердия, изучению философии; и ничто не было способно отвлечь его от нее, разве что когда предоставлялась возможность услужить друзьям или сделать доброе дело какому-нибудь достойному человеку. Когда ему было около тридцати лет, он решил покончить со свободной холостяцкой жизнью (которую он в иных отношениях был склонен продолжать и дальше), приняв во внимание, что он последний отпрыск древней семьи, которая прекратила бы свое существование,

умри он, не оставив детей. Он выбрал себе в жены добродетельную и прекрасную Эмиру, которая, прослужив многие годы утешением его души и сделав его отцом нескольких детей, отдала наконец последнюю дань природе. Ничто не могло поддержать его в этом тяжелом горе; единственное утешение он нашел в своих детях, ставших ему теперь, после смерти матери, еще ближе. Одна дочь особенно ему дорога и служит тайной отрадой его души, поскольку ее голос, ее черты, весь ее вид навевают ему каждое мгновение нежные воспоминания о его супруге и наполняют его глаза слезами. Он скрывает, как может, эту пристрастность, и никто о ней не знает, кроме близких друзей. Им он открывает все свои нежные чувства, но делает это без той болезненной философичности, которую можно назвать слабостью. Им известно, что он все еще отмечает день рождения Эмиры — со слезами и самыми теплыми и нежными воспоминаниями о былых радостях, так же как отмечался он при ее жизни, с радостью и атмосферой праздника. Они знают, что он со всей бережностью хранит ее изображение и что еще у него есть ее портрет в миниатюре, который он всегда носит у себя на груди; что в своем завещании он оставил распоряжения, чтобы, в какой бы части мира ему ни довелось умереть, его тело перевезли и положили в землю рядом с ней и чтобы над ними воздвигли памятник, а их взаимную любовь и счастье запечатлели в эпитафии, которую он сам для этой цели сочинил.

Несколько лет назад я получил письмо от друга, путешествующего за границей, и здесь доверю его публике. Оно содержит пример философского духа, на мой взгляд, весьма необычайного, и может служить образцом того, как можно не отходить слишком далеко от принятых максим поведения при утонченном поиске счастья или совершенства. Позднее я получил заверения, что эта история достоверна.

Париж, 2 августа 1737 г.

Милостивый государь!

Знаю, что Вас интересуют больше описания людей, чем зданий, и что Вам более желательны сообщения о частных историях, а не об общественных делах. А посему, думаю, следующая история, ставшая общей темой толков и пересудов в нашем городе, не будет Вами отвергнута и Вас позабавит.

Одна молодая леди, благородного происхождения, состоятельная, полностью предоставленная самой себе, долго упорствовала в решимости жить в одиночестве, несмотря на несколько выгодных предложений, которые ей сделали. Она подвиглась к принятию этого решения, наблюдая множество несчастливых браков среди своих знакомых и слыша жалобы своих подруг на тиранию, непостоянство, ревность и безразличие их мужей. Будучи по духу женщиной сильной и нетривиально мыслящей, она не нашла никаких трудностей ни с принятием этого решения, ни с его соблюдением и не могла даже подозревать себя в той слабости, которая побудила бы ее под влиянием соблазна от него уклониться. Между тем она сильно желала, чтобы у нее был сын, воспитание которого она была полна решимости сделать главным делом своей жизни, и это освобождало место тем другим страстям, от которых она решила навсегда отказаться. Она довела свою

философию до размаха столь необычного, что не нашла никаких противоречий между подобным желанием и своим прежним решением, и, соответственно, тщательно смотрела вокруг, стремясь отыскать среди всех своих знакомых мужчин такого, чьи характер и личность были бы ей приятны, из раза в раз не удовлетворяясь в этом отношении. И вот, наконец, однажды вечером, придя в театр, она замечает в партере молодого мужчину, весьма привлекательного на вид и утонченного в манерах; и она испытывает к нему столь сильное расположение, что у нее появляется надежда, что это, должно быть, тот самый человек, которого она так долго тщетно искала. Она немедленно отправляет к нему слугу, чтобы сообщить о своем желании видеть его завтра утром у себя дома.

Молодой человек был очень обрадован сообщением и не мог скрыть удовольствие от того, что получил подобный аванс от женщины такой красоты, репутации и таких достоинств. Соответственно, он был сильно разочарован, обнаружив женщину, которая не позволяла ему никаких вольностей и, несмотря на все ее любезное поведение, одергивала его, вынуждая возвращаться в границы рациональной речи и разговора. При всем при том она, казалось, была готова дружить с ним и сказала, что его общество всегда будет ей приятно, когда у него выдастся свободный час, который он сможет ей уделить. Его не нужно было особо уговаривать с возобновлением визитов; он был так поражен ее остроумием и красотой, что наверняка был бы несчастен, если бы был лишен ее общества. Каждая беседа лишь еще больше воспламеняла его страсть и давала еще один повод восхититься ее личностью и ее познаниями, а также порадоваться своей доброй удаче. Бывало, однако, посещала его и тревога, когда он задумывался о несоразмерности их происхождения и состояний; и беспокойство его не смягчалось, даже когда он размышлял о необычности того, как завязалось их знакомство.

Наша философическая героиня меж тем убедилась, что личные качества ее возлюбленного вовсе не опровергают его физиогномику; и вот, рассудив, что никаких поводов испытывать его дальше нет, она, воспользовавшись подходящим случаем, сообщает ему обо всех своих намерениях. Их общение еще сколько-то длилось, пока ее желания не осуществились и она не стала, наконец, матерью мальчика, который должен был стать объектом ее будущей заботы и попечения. С радостью продолжала бы она дружить с отцом; но обнаружив, что он влюблен слишком страстно, чтобы оставаться в границах дружбы, она вынуждена была пойти наперекор своему желанию. Она отправила ему письмо, в которое вложила расписку на ежегодную выплату в размере тысячи крон, попросив в то же время никогда больше с ней не встречаться и забыть, по возможности, все прошлые знаки внимания и вольности. Он был ошеломлен, получив это послание, и, тщетно попытавшись применить все свое искусство, чтобы сломить непреклонность женщины, решил в конце концов атаковать ее ее же собственной слабостью. И вот он затевает против нее дело в парижском парламенте и предъявляет права на своего сына, требуя права воспитывать его так, как ему пожелается, в согласии с обычными правовыми максимами, действующими в подобных случаях. Она в свою очередь ссылается на их прямое согласие перед сделкой и настаивает, что он отказался от всяких притязаний на потомство, могущее возникнуть из их объятий.

Пока неясно, какое решение примет парламент в этом экстраординарном случае, озадачивающем всех юристов настолько же, насколько и философов. Как только они придут к какому-нибудь результату, я непременно Вам сообщу, воспользовавшись всякой возможностью заверить Вас, милостивый государь, как и сейчас, в искреннем к Вам почтении.

Ваш покорный слуга

Примечания

Очерк Д. Юма «О моральных предрассудках» был впервые опубликован в издании «Опытов моральных, политических и литературных» 1741-1742 гг. (в 1742 г., во 2 томе). Первый перевод очерка на русский язык сделан О.В. Артемьевой и опубликован в книге: Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 122-127. Здесь предлагается новый перевод этого очерка.

1. Эту историю о Диогене рассказал Цицерон в «Тускуланских беседах» (кн. 1, «О презрении к смерти»). См.: Цицерон М.Т. Тускуланские беседы / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 89. — *Прим. пер.*

2. Эугениус — вымышленный персонаж, философ. — *Прим. пер.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 21.01.2022 г. (№ 2466)